

А.Ф.Кофман

Истоки магического реализма в латиноамериканской литературе

Автор критически рассматривает теории генезиса латиноамериканского магического реализма и доказывает, что он зародился в эпоху конкисты из первичного модуса восприятия Нового Света. Примеры из текстов конкистадоров показывают наличие двух базовых особенностей поэтики магического реализма. Первая — акцентировано выраженная оппозиция Новый Свет / Старый Свет, т.е. восприятие окружающей действительности при ее постоянном сопоставлении с европейской реальностью. Вторая — оценка американской действительности как чудесной, исключительной.

Ключевые слова: магический реализм, чудо, конкиста, сравнение, Новый Свет, исключительность.

ЧУДЕСНОЕ В РЕАЛЬНОСТИ?

Читатель, верно, не раз задавался вопросом: откуда берется тот мир чудесного, куда мы погружаемся, читая многие произведения латиноамериканской литературы? И почему художественное сознание латиноамериканского писателя так стойко настроено на чудо и во всем стремится увидеть чудо, да и свою действительность воспринимает сквозь призму чудесного?

И вот что в этом отношении примечательно: термин «магический реализм», изобретенный немецким искусствоведом Францем Ро в 1925 г., был применен по отношению к европейской авангардной живописи, затем вошел и в европейскую литературу. Однако об этом помнят сейчас лишь специалисты, а в сознании рядового читателя термин «магический реализм» давно и прочно увязан, прежде всего, с латиноамериканской литературой. Именно латиноамериканские писатели и литературоведы позаимствовали европейский термин и применили его для характеристики собственной литературы. Первым это сделал венесуэльский прозаик Артуро Услар-

Андрей Федорович Кофман — доктор филологических наук, заведующий отделом литератур Европы и Америки Новейшего времени Института мировой литературы РАН (andrey.kofman@gmail.com).

Пьетри в 1948 г., а когда появился «новый» латиноамериканский роман, где мир чудесного развернулся во всей своей завораживающей мощи, тогда-то термин и оказался весьма кстати. С тех пор многие и полагают, будто бы «магический реализм» родился в недрах латиноамериканской культуры.

Впрочем, такое убеждение имеет под собой все основания, если говорить не о термине, а о художественной сути. И впрямь: мир чудесного, каким он предстает в латиноамериканской литературе, существенно отличается от европейского «магического реализма». В чем коренится это отличие? Попробуем сформулировать то, что на интуитивном уровне, наверное, почувствовали многие читатели. Главное отличие состоит, прежде всего, в соотношении чудесного и реального. Если в западноевропейском художественном сознании чудесное чаще всего предстает как выход за пределы реальности, как взлом повседневности, то в латиноамериканской литературе оно укоренено в реальной действительности и столь неразрывно связано с обыденностью, что невероятное воспринимается естественным, а естественное — невероятным.

В науке сложились три основные концепции в отношении источников магического реализма в латиноамериканской культуре. Одни критики его источником считают фольклорно-мифологический субстрат латиноамериканской культуры (в первую очередь индейский), который, бесспорно, богаче и лучше сохранился, чем в культуре европейской. Согласно этой точке зрения, магический реализм есть сублимация фольклорно-мифологического субстрата в художественном сознании и в творчестве писателя. Эта несколько наивная концепция не принимает в расчет того очевидного факта, что в подавляющем большинстве писатели, принадлежащие к этому течению, отнюдь не являются представителями фольклорной среды. Совершенно очевидно, что в профессиональные искусства мифологические элементы включаются по большей части сознательно. В этом случае использование мифа и фольклора предстает как идеологический акт, обусловленный исторической ситуацией, национальным или этническим сознанием, направлением в искусстве, наконец, личными пристрастиями или эстетическими задачами автора. Тем самым в профессиональных искусствах мифологические элементы подвержены идеологическим и субъективным интерпретациям и модификациям любого типа.

Кроме того, в процессе сравнительно-текстологического анализа ясно выявляется полная несостоятельность априорного суждения о непосредственной связи мифологических мотивов в литературе с фольклорно-мифологическим субстратом. Многие из зафиксированных устойчивых мифомотивов латиноамериканской литературы не имеют ничего общего ни с индейской мифологией, ни с креольским фольклором, ни с афроамериканскими фольклорными формами¹. Что же касается прямых, скажем так, «этнографических» апелляций к народной культуре, то, несмотря на их обилие в латиноамериканской литературе, они большей частью весьма поверхностны (каким обычно и бывает этнографизм в искусстве) и не содержат глубоких смысловых пластов.

Другие критики и литературоведы в поисках истоков магического реализма обращают свой взгляд на Европу и находят их в первую очередь в сюрреализме. Так, мексиканка Анхелина Окампо констатировала общеизвестный факт: «Астуриас первым начал трансформировать французский

сюрреализм в магический реализм, который впоследствии, пройдя через Алехо Карпентьера, закрепился в произведениях Хуана Рульфо и Габриэля Гарсиа Маркеса². Для основоположников этой концепции решающее значение имеет то, что зачинатели «нового» латиноамериканского романа и, как считается, магического реализма, писатели Мигель Анхель Астуриас и А.Карпентьер, оба участвовали в сюрреалистическом движении во Франции. Следы сюрреализма, безусловно, очевидны в повести Карпентьера «Царство земное» (1949) и в романе Астуриаса «Маисовые люди» (1949), хотя правильнее было бы говорить о целостном влиянии европейского авангардизма, в лоне которого возник стойкий интерес к примитивному сознанию, послуживший стимулом для этих писателей. С другой стороны, следует иметь в виду, что упомянутые авторы никогда не были верными адептами и учениками европейских авангардистов: воспринимая импульсы европейской культуры, они их радикально трансформировали, приспособив для насущных потребностей собственной культуры.

Наконец, третья концепция принадлежит Алехо Карпентьеру, закрепившему ее в формуле «чудесная реальность» (*lo real maravilloso*), которая получила широчайшее распространение как в Америке, так и в Европе и стала применяться для интерпретации и объяснения специфики всей латиноамериканской культуры. Надо заметить, что Карпентьер очень резко противопоставлял магический реализм «чудесной реальности» и следующим образом интерпретировал это различие: «С одной стороны, полная чудес действительность... а с другой — мир чудесного как плод жалких потуг, характерных для некоторых течений европейской литературы последнего тридцатилетия». Европейский «мир чудесного, созданный по принципу циркового фокуса», по его мнению, «был и будет всего лишь литературным трюком»³. Как видно, противопоставление двух типов чудесного основано на категориях подлинности и неподлинности. А подлинным латиноамериканское чудо кубинский писатель считает потому, что оно является порождением самой действительности континента.

Разрабатывая эту концепцию, Карпентьер прежде всего «поставил на место» категорию «чудо»: «Слово чудесный, — отмечает кубинский писатель, — со временем утратило свой подлинный смысл... Словари объясняют, что чудесное — это то, что вызывает восхищение, ибо оно необычно, превосходно, восхитительно. С этим тотчас сливается понятие прекрасного, красивого, приятного. Но единственное, что должно было бы фигурировать в словарных толкованиях, — это все то, что связано с необычным (...). Все незаурядное, выходящее за рамки установленных норм, — чудесно»⁴. Вполне очевидно, что под «установленными нормами» имеются в виду нормы европейские, которые в совокупности и составляют, как подразумевается, антиномию чуда — «обычное», «заурядное». Концепция Карпентьера и выстраивается на внутреннем противопоставлении двух типов действительности: на одном полюсе — «заурядная» европейская, на другом — «наша американская чудесная реальность, которую мы обнаруживаем в первозданном, пульсирующем, вездесущем виде во всей латиноамериканской действительности. Здесь необычное — повседневность, и так было всегда»⁵. Итак, казалось бы, ответ получен — ответ логически обоснованный и тем более убедительный, что прозвучал он из очень авторитетных уст и вызвал полное согласие многих столь же авторитетных писателей и ученых.

И все же попробуем отрешиться от простых и с виду убедительных объяснений и зададим себе элементарный вопрос: разве действительность может быть сама по себе чудесной или заурядной? Положим, европейцы издревле называли Индию «страной чудес», но разве сами ее жители называли бы так свою землю? Речь, стало быть, идет не о действительности как таковой, а об ее восприятии. Вот, собственно, исходный пункт чудесного: ведь оно является продуктом человеческого сознания. И здесь-то выявляется характерное свойство латиноамериканского художественного сознания, когда родную действительность, которую укорененный в ней человек воспринимает как привычную, обыденную, заурядную, латиноамериканский художник интерпретирует как необыкновенную, из ряда вон выходящую, чудесную. Сама по себе концепция «чудесной реальности» Карпен-тьера, равно как и факт ее успеха и признания в Латинской Америке, — наиболее яркие тому подтверждения. Но главное, в конечном счете, не концепции, а художественные тексты, а в них такой тип восприятия окружающей реальности проявляется постоянно. В латиноамериканской литературе все противостоит регламенту, все стремится выйти за пределы: пространство — неизмеримое, непостижимое; грандиозны и природные явления с восьмилетними дождями и опустошительными апокалипсическими ураганами; и герои лепят себя под стать среде своего обитания и на каждом шагу попирают нормы...

Рожден ли такой тип восприятия действительности в лоне «нового» латиноамериканского романа? Ответ будет категоричным — нет. Потому что этот способ восприятия окружающего мира обнаруживается и у латиноамериканских романистов XIX в., хотя и не в столь выраженных формах, и у авторов предшествующих веков. Так в поисках истока магического реализма мы будем спускаться по ступеням десятилетий в глубь веков, пока не дойдем до «времени первоначала» латиноамериканской культуры, каковым является XVI в. — эпоха конкисты.

И тут обнаружится удивительное: именно в литературных памятниках эпохи конкисты — исторических хрониках, научных трактатах, дневниках, письмах, реляциях конкистадоров и первопроходцев континента — тема чудесного и сопутствующий ей мотив изумления являются едва ли не ведущими. «И как день от ночи отличались эти деревья от растущих в нашей стороне; иными были плоды, травы, камни и все прочее»; «Воистину чудесно все сущее в этой стороне и чудесны великие народы острова Эспаньола...»; «...Никто не сможет поверить подобному, пока сам не увидит всего»⁶. Это — цитаты из дневника первого путешествия Колумба. Этот текст с полным на то основанием можно назвать первым произведением латиноамериканской литературы, ибо в нем отчетливо обозначились темы, мотивы и образы, которые составляют фундамент латиноамериканского художественного сознания и впоследствии на протяжении веков будут бесчисленное множество раз воспроизводиться, варьироваться и переосмысляться. Таковы темы чуда и земного рая, изобильной природы и необычайных богатств (так, Адмирал без тени сомнения упоминает о «сплошь золотом острове»), образы «доброго» и «злого» дикаря, чувство смещения европейской нормы, и главное — противопоставление Новый Свет — Старый Свет, на котором возрастает латиноамериканский магический реализм.

Именно в литературных памятниках эпохи конкисты появляются первые и уже очень яркие проявления латиноамериканского магического реализма в его

двух главных составляющих. Первая: акцентировано выраженная оппозиция Новый Свет / Старый Свет, т.е. восприятие окружающей действительности при ее постоянном сопоставлении с европейской реальностью. И вторая: оценка американской действительности как экстраординарной, чудесной, исключительной. По необходимости кратко рассмотрим эти две особенности.

СРАВНЕНИЯ С ИСПАНИЕЙ

Первая тенденция ясно обозначена в сравнениях американских реалий с испанскими. Сравнение — фундаментальная образно-мыслительная операция по созданию картины мира. С одной стороны, сравнение устанавливает тождество и схожесть, удостоверяя единство и взаимосвязь явлений, — так обретается целостность картины мира; с другой стороны, оно маркирует различия — тем самым картина мира диверсифицируется, и каждое явление обретает собственный смысл. Спектр функций и возможностей сравнения значительно расширяется, когда речь идет о восприятии совершенно иной, непознанной реальности; притом изменяется внутренняя направленность сравнения. Действительно, обычно сравнение привлекается для создания и познания чего-то «своего» — будь то собственная личность, национальная действительность или картина мира; для дефиниции «своего» потребно «иное». Конкистадоры оказываются в обратной ситуации: им надо объяснить, познать и оценить «иное» — для этого привлекается «свое». Оно становится необходимым, поскольку «иная» действительность Нового Света имеет настолько сильно выраженное, подчас шокирующее качество новизны, что не поддается адекватному отражению в слове: необходима точка опоры для воссоздания образа — она-то и обретается в знакомой, испанской, реальности.

Тексты конкистадоров буквально переполнены сравнениями реалий Нового Света с реалиями Испании. Чаще всего эти сравнения носят открыто оценочный характер, поскольку все новое взыскует оценки. Поразительно другое: среди десятков зафиксированных сравнений подобного типа нет ни одного, в котором американская реальность ставилась бы ниже испанской. Формула «испанское лучше» как бы начисто отсутствует в сознании конкистадоров; все оценочные сравнения «работают» исключительно на американскую реальность. Выделяются, так сказать, «по восходящей», три основных варианта таких сравнений.

Первый можно выразить формулой «не хуже, чем в Испании»: «Город Куско столь велик и прекрасен, что был бы достоин находиться (*sería digna de verse*) в Испании»⁷; «...Издалека мы увидели столь большой город, что Севилья не могла показаться ни больше, ни лучше»⁸. Особенно часто по этой формуле строятся сравнения в письмах Кортеса: «...Скажу лишь, что здешний обиход и обращение почти не уступают образу жизни в Испании, благоустройства и порядка здесь не меньше, и как подумаешь, что народ здесь дикий и столь далекий от познания Господа и от общения с другими разумными народами, то можно лишь дивиться, сколь разумно здесь все устроено»⁹.

Кортес очень точно передал характерную двойственность, свойственную испанскому восприятию индейского культурного мира: с одной стороны, конкистадор считает себя цивилизатором, и в его сознании испанская действительность предстает как эталон цивилизации; но этот эталон или его подобие он неожиданно для себя обнаруживает там, где вовсе не ожидал его увидеть, — от-

сюда рождается стойкий мотив изумления. Он ощутим даже в тех случаях, когда не получает открытого выражения. Но надо представить себе, какое мощное преобразующее воздействие оказывает на сознание это открытие и это изумление — фактически оно подрывает укоренившуюся за две тысячи лет европоцентристскую картину мира. Эталон двоятся, обретая зеркальное отражение за океаном; двоятся и сознание завоевателя.

Ценностное уравнивание — первый шаг в удваивании картины мира; следующий шаг выражен формулой «лучше (больше), чем в Испании». Она сквозит и в описаниях природного мира — и дичь здесь крупнее, и горы выше, и реки полноводнее, — но явный оценочный акцент возникает в описаниях индейского мира: «...Та площадь больше любых площадей испанских городов»¹⁰; «...Есть там площадь вдвое больше, нежели весь город Саламанка»¹¹.

Данный вариант оценочных сравнений получает дальнейшее развитие — складывается по-своему поразительный тип сопоставлений, утверждающих абсолютное превосходство американских реалий по формуле «в Испании нет ничего равного»; или «нет равного в мире». Последняя постоянно встречается в дневнике первого путешествия Колумба: «На этом острове есть сады с деревьями, самыми прекрасными из тех, какие я только видел на своем веку...»; «...Бухта Морской реки наилучшая из всех бухт на земле, и воздух ее благодатнейший в мире, а люди самые мирные на свете»¹². Если в дневнике Колумба эти формулы применяются чаще всего по отношению к природным реалиям, то конкистадоров куда больше впечатляют рукотворные объекты: «Храм Солнца очень велик размерами, весь сделан из превосходного камня, и нет сомнения, что искусство работы по камню здесь намного выше (*hace gran ventaja*), чем в Испании»¹³; «В городе же находились его дворцы, столь дивно устроенные, что, кажется, мне будет не под силу передать словами их красоту и великолепие, посему я и не стану этого делать, а скажу лишь, что в Испании нет ничего равного» (Кортес)¹⁴.

Покоритель Мексики просто захлебывается от восторга, когда описывает ацтекские города; сам стиль его письма меняется, становится неровным, сбивчивым; в его речи избыточно встречаются слова «красивый», «превосходный», «прекрасный»; он постоянно вынужден прибегать к фигуре умолчания: «...Так много и так превосходно все было, что я не могу это описать Вашему Величеству». Но более всего в Кортесе поражает его способность искренне восторгаться произведениями религиозного ацтекского искусства: ведь речь идет о человеке, который был фанатично предан доктрине христианизации и должен был воспринимать всякое нехристианское религиозное искусство как дьявольское. Вот, например, как он описывает Главный храм, где, как он знал, ежедневно совершались человеческие жертвоприношения: «...Среди оных мечетей есть одна главная, и язык человеческий не способен описать ее величие, диковины и красоты... В той мечети есть около сорока высоких превосходных башен, и в самой большой из них лестница в пятьдесят ступеней, по коим восходят наверх; эта самая главная башня выше башни севильского кафедрального собора. Все башни богато украшены резьбой по камню и по дереву, лучшей работы и отделки не сыскать нигде в мире...»¹⁵.

Примечательны два фрагмента из хроники Педро Санчо де Ла Ос, где автор проводит сопоставления инкской крепости Саксауаман не только с испанской, но со всей европейской архитектурой: «Многие испанцы из тех,

кто побывал в Ломбардии и в прочих удивительных королевствах, говорят, что не видели такого здания, как эта крепость, ни более крепкого замка». «Испанцы, которые ее видят, говорят, что ни мост в Сеговии, ни сооружения древних греков и римлян не идут ни в какое сравнение с этой крепостью»¹⁶. Эти примеры, конечно, вовсе не означают того, что конкистадор ставит в целом индейскую культуру выше европейской — речь идет лишь об отдельных произведениях и объектах. Однако и в этом случае нельзя не заметить колоссальных подвижек в сознании тех, кто осмелился поставить объекты индейского (нехристианского) искусства выше испанского, выше даже античного наследия, считавшегося непревзойденным. Когда конкистадор говорит, что в Испании или в Европе нет ничего равного, в его сознании происходит частичная переоценка ценностей, связанная с замещением или перемещением эталона. Европейская культура, хоть в чем-то уступающая индейской, начинает утрачивать качество единственного эталона; а диверсификация эталонов и ориентиров неизбежно приводит к перестройке сознания и мировосприятия.

В этой связи вновь нельзя не отметить парадоксальную двойственность роли конкистадоров: с одной стороны, они разрушали индейские культуры, навязывая европейские нормы и каноны, т.е. выступали в роли воинствующих агентов европоцентризма; с другой — в силу особенностей своего восприятия Нового Света они же начали разрушать европоцентристскую картину мира и явились отдаленными провозвестниками тех радикальных изменений в самосознании европейца, какие произойдут в XX столетии.

АУРА ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТИ

Главная особенность воспринимаемой действительности — ее принципиальная новизна. Между прочим, и сам испанец, идущий по землям Нового Света, покоряющий пространство ногами, а мечом — его обитателей, вынужденный совершать беспримерные деяния и подвиги, также оказывается в неординарной ситуации. Новизна познаваемой реальности, помноженная на экстраординарность событий и ситуаций, решительно выводит тексты конкистадоров за рамки обыденности и придает им особую характеристику, которую можно назвать аурой исключительности. Этой аурой отмечен как модус восприятия Нового Света, так и модус самовосприятия. Что касается первого, то пульсация исключительности ясно ощутима во многих описаниях, проявляясь в характерных мотивах и стилистических приемах. Поскольку конкистадор, в отличие от профессионального хрониста и писателя, не слишком заботился об индивидуальной манере выражения, то стилистические приемы, повторяясь, закрепились в ряде словесных и образных формул. Их можно сгруппировать и рассмотреть как бы по степени нарастания «пульсации исключительности».

Самая распространенная из них — емкая и многозначная формула «стоило на это посмотреть» (*era cosa muy de ver*): она одновременно выражает эмоцию наблюдателя и подчеркивает неординарность явления и события. «Стоило посмотреть» — на огромное множество лам¹⁷; на дворцы Теночтитлана¹⁸; на то, сколько пищи давали птицам и зверям в питомнике Моктесумы, и на то, как последний признавал себя вассалом испанского короля¹⁹; каким строем шли индейцы, изукрашенные татуировками и в пышных головных уборах²⁰ и т.п.

Формула «стоило посмотреть» способна выразить широкую гамму чувств, но главным из них всегда будет изумление, смешанное с восхищением. Сочетание этих эмоций прекрасно передают испанский глагол *admirar* («изумляться» и одновременно «восхищаться») и производное от него существительное *admiración*. Эти слова часто употребляются в текстах конкистадоров и также закрепились в словесные формулы: «В той земле водилось и выращивалось такое количество овец [лам], что это было прямо удивительно (*era cosa admirable*)»²¹; «Все мы были очень изумлены (*nos puso muy grande admiración*) увидеть столь многолюдное поселение»²². Еще более акцентированное выражение мотив изумления получает в формуле «казалось чудом»: «...Рынки, площади и улицы того города Куско были так полны народом, что казалось чудом (*parecía cosa de maravilla*) такое многолюдье»²³.

Но эти формулы вполне могут быть применимы по отношению к действительности Старого Света, той же Испании, где есть, на что посмотреть, где найдется место и чуду; поэтому они оказываются недостаточными для описания американской реальности. Конкистадор испытывает потребность в иных стилистических приемах, способных передать уникальность, неповторимость познаваемой действительности, и он их находит и использует в изобилии.

Один из них получает выражение в энергичной формуле «доселе невиданное и неслышанное» (*nunca visto ni oído*). Важнейшая особенность восприятия Нового Света испанским завоевателем состоит в том, что американскую действительность он познает в процессе ее первооткрытия. Он не просто открывает нечто новое для себя, он видит новое, никем до сих пор не виденное (речь идет о жителях Старого Света). Это ощущение живо передает участник завоевания Перу Мигель де Эстете, рассказывая о том, как индейцы «высушивали» головы врагов, уменьшая их в размерах: «Безусловно, это достойно изумления как нечто невиданное (*es cosa de admiración y nunca vista*), и так оно и было, ведь мы первыми увидели это»²⁴. Тот же Эстете дивится столь заурядной нынче вещи, как гранитная набережная: «Дно и береговые склоны реки [в Куско] были выложены обработанными камнями — нечто никогда доселе не виданное и не слышанное»²⁵. Но даже не столько объект наблюдения, сколько именно чувство открытия, осознание того, что до тебя никто из европейцев не видел такого, и придает эмоции изумления оттенок восторга.

Абсолютная новизна нередко порождает своего рода немоту, когда, оставив попытки адекватно передать «невиданное и неслышанное» в слове, автор прибегает к фигуре умолчания. Прием, конечно, далеко не оригинальный, но в текстах конкистадоров на общем фоне ауры исключительности и в сочетании с другими приемами он очень эффективно воздействует на воображение читателя, да и для автора оказывается своего рода «спасательным кругом», не позволяющем потонуть в море слов. Особенно часто и выразительно фигуру умолчания использует Кортес: «...И тут я тоже не в силах описать Вашему Величеству совершенство отделки...»; «...Я не могу пересказать и сотой доли того, что можно было бы обо всем этом написать...»; «там столько всего и такого отменного качества, что, опасаясь наскучить и не надеясь все вспомнить и даже не зная, как назвать, на сем описание заканчиваю»²⁶. В последней цитате очень точно указана еще одна причина, заставляющая прибегать к фигуре умолчания — незнание имен невиданных вещей.

Действительность Нового Света заставляет автора-конкистадора также использовать гиперболы и гиперболические конструкции. Конечно, не следует забывать, что гиперболизм вообще характерен для стилистики средневековой художественной и документальной литературы, и эту черту унаследовали завоеватели и хронисты Америки, дети переходной эпохи от средневековья к Новому времени. Но нельзя не заметить и того, что в текстах конкистадоров гипербола перестает быть чисто условным риторическим приемом и обретает некоторую обоснованность в реальной действительности. Когда авторы говорят, что стрелы индейцев затмевали небо и сыпались градом, то это не покажется особым преувеличением, если знать, что индейцы умели выпускать до двадцати стрел в минуту, и помножить эту цифру на количество бойцов, достигавшее иногда десяти и более тысяч человек. Участник экспедиции в Чили Херонимо де Вивар пишет: «Индейцы орали так оглушительно (*alzaron tan gran vocería*), что казалось, кричат все люди мира, и рушатся горы»²⁷, — и эти гиперболы соотнесены с реальностью: туземцы Америки имели обыкновение пугать противника криком (отсюда топоним Долина Крика в Колумбии).

В целом, однако, надо отметить, что авторы крайне редко используют гиперболу в чистом виде. Она им, в сущности, и не нужна, поскольку правда сама по себе настолько необычна, настолько впечатляет, что уже и не нуждается в преувеличениях. Конкистадору равным образом незачем приписывать себе подвиги: их совершалось столько и таких, что надобность в бахвальстве отпадала. Иное дело гиперболические конструкции и формулы — они используются сплошь да рядом. Но их задача — не преувеличить, а подчеркнуть неординарность и уникальность явления или события. Эти конструкции рождаются и употребляются спонтанно из ощущения исключительности своего опыта, из характерного восприятия Нового Света как запредельной аномальной действительности.

Наиболее употребительная из этих конструкций выстраивается по формуле «самый... в мире» (*más... que hay en el mundo*); она выражается также словосочетаниями «ни с чем не сопоставимый», «никогда прежде не виданный» и им подобными. Смысл конструкции в том, что она либо выделяет феномен как абсолютно уникальный, либо ставит его на самую высшую ступень в ряду подобных явлений. Эта конструкция оказывается применима практически ко всем явлениям природного и человеческого мира. Природа Нового Света: «Это самая плодородная земля в мире»²⁸; «похоже, это самая лучшая земля, какая есть под солнцем»²⁹; «море самое богатое рыбным промыслом в мире»³⁰; «вулкан, самое ужасное из всего, что было видано»³¹; «в тех горах — самые крутые и труднодоступные перевалы, какие только есть в мире»³²; «не могу поверить, что в мире найдется река подобной величины»³³. С той же степенью категоричности могут оцениваться рукотворные явления: Теночтитлан, по мнению Кортеса, — «самый прекрасный город на свете»³⁴.

Иерархичность — коренное свойство средневековых представлений о мире. Конкистадоры унаследовали эту особенность и при восприятии действительности Нового Света мысленно выстраивали иерархию явлений и событий в подразумеваемом сопоставлении с реальностью Старого Света. Формула «самый... в мире» и частотность ее употребления ясно демонстрируют стремление поставить американские реалии на верхнюю ступень иерархии. Не обязательно на аксиологической шкале (хотя, как показывают некоторые из вышеприведенных

примеров, и на ней тоже), но, прежде всего, на шкале феноменологической. Иначе говоря, американская реальность в своих проявлениях (ужасных в том числе) решительно превосходит реальность Старого Света. В совокупности все формулы и конструкции, отмеченные выше, создают образ аномального мира, противостоящего европейскому регламенту и эталону.

Земли, удаленные от христианского «центра», европеец изначально воспринимал как мир аномальный, чреватый всякого рода отклонениями от привычных форм жизни. В отношении Америки это чувство смещения нормы возрастало многократно, поскольку она лежала как бы на «обратной» стороне Земли, отделенная от Европы неизмеримой водной ширью. В начале XVI в. само путешествие за Атлантический океан воспринималось как преодоление границы, шаг в иной, запредельный мир, расположенный на «обратной» стороне Земли. Конкистадор воспринял Новый Свет как мир девиаций, гипертрофии, экстраординарности, исключительности, уникальности; мир, лишенный границ возможного.

Ауру исключительности вместе с формулой «самый... в мире» в полной мере унаследовала латиноамериканская художественная литература и в особенности те писатели, которых принято считать представителями магического реализма. Достаточно привести несколько примеров: «...Над горами такими высокими и тучами такими тяжелыми, каких не встретишь больше нигде в мире» (Хосе Мариа Аргедас³⁵); «...Нет на свете места печальной Лувины» (Х.Рульфо³⁶); «...Самая древняя на земле земля...», «...Самая вкусная вода в мире...» (М.А.Астуриас³⁷); «...Амазонка, самая вечная из всех рек вселенной...»; «...В этой сельве, самой бескрайней на свете...» (Мигель Отеро Сильва³⁸) и т.п. Между прочим, многие зачинатели «нового» латиноамериканского романа оказались заядлыми читателями документов конкисты.

Однако распространенность этой гиперболической конструкции следует объяснять не столько текстовыми заимствованиями, сколько глубинной общностью восприятия американского мира. Аура исключительности, свойственная текстам конкистадоров, в художественной литературе воплотилась в том специфическом способе художественного отражения действительности, для обозначения которого автор статьи в своей монографии «Латиноамериканский художественный образ мира» ввел термин «поэтика сверхнормативности». Из множественных ее проявлений (в описаниях, сюжетах, образах героев и моделях их поведения) особое внимание обращает на себя явный или скрытый мотив изумления. Ясно обозначенный в документах конкисты, в литературе XX в. этот мотив предстает уже как специфический художественный ракурс. Внутренняя пульсация исключительности в художественной картине латиноамериканского мира, в частности, проявилась и в том, что художественное сознание латиноамериканского писателя во всем стремится увидеть чудо, да и свою действительность воспринимает сквозь призму чудесного. Собственно, это свойство и породило латиноамериканский «магический реализм» равно как и созданную А.Карпентьером концепцию «чудесной реальности».

По-видимому, уникальная историческая ситуация возникновения латиноамериканской цивилизации, отраженная в текстах конкистадоров, всегда сохранялась в «генетической памяти» культуры и постоянно воспроизводилась в том или ином виде, в немалой степени определив своеобразие латиноамериканской культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Это доказано на текстовом материале в книге: А.К о ф м а н. Латиноамериканский художественный образ мира. М., 1997.
- ² А.М.О с а м п о. Un intento de aproximación al realismo mágico. — XVII Congreso del Instituto internacional de la literatura iberoamericana. Madrid, 1968, p. 404.
- ³ А.К а р п е н т ь е р. Мы искали и нашли себя. М., 1984, с. 88.
- ⁴ Там же, с. 116.
- ⁵ Там же, с. 117, 118.
- ⁶ Х.К о л у м б. Путешествия Христофора Колумба. Дневники. Письма. Документы. М., 1956, с. 8, 163.
- ⁷ P.S a n c h o d e l a H o z. Relación para S.M. de lo sucedido en la conquista y pacificación de estas provincias de la Nueva Castilla... — Los cronistas de la conquista. Biblioteca de cultura peruana. Paris, 1938, p. 176.
- ⁸ J.D í a z. Itinerario de la armada del Rey Católico a la isla de Yucatán, en la India en el año 1518, en la que fue por comandante y capitán general Juan de Grijalva. — La conquista de Tenochtitlán. Madrid, 2002, p. 41.
- ⁹ Э.К о р т е с. Второе послание-реляция императору Карлу V, писанное в Сегура-де-ла-Фронтера 30 октября 1520 года (фрагмент). — Хроники открытия Америки. Новая Испания. М., 2000, с. 333.
- ¹⁰ F. d e J é r e z. Verdadera relación de la conquista del Perú y provincia del Cuzco... — Los cronistas de la conquista, p. 53.
- ¹¹ Э.К о р т е с. Указ. соч., с. 327.
- ¹² Х.К о л у м б. Указ. соч., с. 92, 114.
- ¹³ M. d e E s t e t e. Noticia de Perú. — Los cronistas de la conquista, p. 241.
- ¹⁴ Э.К о р т е с. Указ. соч., с. 216, 334.
- ¹⁵ Там же, с. 305, 329-330.
- ¹⁶ P.S a n c h o d e L a H o z. Op. cit., p. 117, 178.
- ¹⁷ F. d e J é r e z. Op. cit., p. 89.
- ¹⁸ F. d e A g u i l a r. Op. cit., p. 173.
- ¹⁹ B.D í a z d e l C a s t i l l o. Op. cit., p. 102.
- ²⁰ A.N u ñ e z C a b e z a d e V a c a. Naufragios y comentarios. México, 1988, p. 97.
- ²¹ F. d e J é r e z. Op. cit., p. 123.
- ²² F. d e A g u i l a r. Op. cit., p. 165.
- ²³ F. d e J é r e z. Op. cit., p. 94.
- ²⁴ M. D e E s t e t e. Noticia de Perú, p. 209.
- ²⁵ Ibid., p. 239.
- ²⁶ Э.К о р т е с. Указ. соч., с. 325, 326, 329, 328.
- ²⁷ J. d e V i v a r. Crónica de los reinos de Chile. Madrid, 2001, p. 133.
- ²⁸ A.N u ñ e z C a b e z a d e V a c a. Op. cit., p. 95.
- ²⁹ J.D í a z. Op. cit., p. 47.
- ³⁰ P. d e V a l d i v i a. Cartas al emperador. — Cunninghame G.R.B. Pedro de Valdivia. Buenos Aires, 1943, p. 224.
- ³¹ P. d e A l v a r a d o. Relaciones a Hernando Cortés. — Historiadores primitivos de Indias. Madrid, 1931, t 1, p. 463.
- ³² M. d e E s t e t e. Op. cit., p. 245.
- ³³ F.V á z q u e z. Relación verdadera de todo lo que sucedió en la jornada de Omagua y Dorado... — Historiadores de Indias. America del Sur. Barcelona, 1972, p. 401.
- ³⁴ H.C o r t e s. Op. cit., p. 182.
- ³⁵ J.M.A r g u e d a s. Yawar fiesta. Lima, 1941, p. 168.
- ³⁶ Х.Р у л ь ф о. Равнина в огне. Педро Парамо. М., 1970, с. 100.
- ³⁷ М.А.А s t u r i a s. Maladrón. Buenos Aires, 1969, p. 10, 23.
- ³⁸ М.О т е р о С и л ь в а. Лопе де Агирре, Князь Свободы. М., 1982, с. 270, 294.